

УДК 94: 271.2 (571.1/5)

В. Ю. Софронов, О. А. Фефелова, Н. Н. Силин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО УКАЗА 17 АПРЕЛЯ 1905 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)¹

Исследуется период в истории Российской империи в начале XX в., когда после принятия указа 17 апреля 1905 г. стал возможен переход из православия в другое христианское вероисповедание, что существенно повлияло на деятельность Русской православной церкви (РПЦ). Поскольку не были отменены основные статьи «Уложения о наказаниях» (1845), исходя из которых лица, выступавшие с призывом перехода из православия в иное вероисповедание, могли быть привлечены к суду, то церковный клир выступал за ограничение деятельности активистов нового религиозного течения. В публикации на основе архивных документов, материалов законодательства и периодической печати проанализированы факты борьбы духовных и гражданских властей с представителями нетрадиционных религиозных деноминаций в Tobольской епархии в начале XX в.

Ключевые слова: история Сибири, Русская православная церковь, миссионерство, протестантизм, мусульманство, старообрядчество.

Свобода вероисповедания в Российском государстве в начале XX в. была закреплена законодательно, но при этом православие признавалось господствующим и единственно верным учением [1, с. 70; 2, с. 40; 3, с. 1–2]. В журнале Комитета министров отмечалось: «...преимуществами, главным образом придающими Православной Церкви значение господствующей, являются принадлежность к ней Государя Императора, свобода привлечения последователей и получение денежных средств для удовлетворения своих нужд из общегосударственных доходов» [4, с. 45].

Наряду с этим Православная церковь имела уголовную защиту от «сворачиваний» и отступлений в иные неправославные и нехристианские вероисповедания [5, с. 336; 6, ст. 184–187, 196]. Так, п. 6 ст. 196 «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» гласил: «Наши законы ограждают от повреждения преимущественно догматы господствующей церкви, защищая другие христианские вероисповедания только от сворачивания христиан в нехристианскую веру» [7, с. 36]. На основе этого Православной церкви разрешались пропаганда своего вероучения и распространение основных христианских законов и принципов внутри государства, используя методы убеждения и другие «добрые приемы» [2, с. 4; 1, с. 70].

Указом 17 апреля 1905 г. было признано, что отпадение от православия в другое христианское исповедание не подлежит преследованию и не должно влечь негативных последствий для отпавшего. Согласно духовному уставу, православному населению по отношению к инаковерующим и их обычаям предписывалось «охранять и защищать их

лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно» [8, с. 32].

Тем не менее государственное законодательство сохраняло практику религиозной нетерпимости, исходя из традиционного церковного понимания, что христианское государство обязано защищать истину, преследуя заблуждения в виде ересей (сект) и раскола, что репрессии против еретиков – гарантия сохранения целостности православия, шире – христианского общества и государства.

Необходимость законодательной защиты особого статуса православия в Российской империи имела обоснование, заключавшееся в признании православия традиционной религией русского народа. Для защиты интересов Православной церкви государственная власть использовала различные практики административного и уголовного принуждения.

В силу закона 14 марта 1906 г., взамен действовавшего до того времени второго раздела Уложения о наказаниях (1845 г.), были введены в действие постановления главы II Уголовного Уложения (ст. 73–98). К числу религиозных посягательств Уголовное Уложение относило прежде всего надругательства над верой, наиболее тяжким видом которых является богохуление (произнесение бранных слов на Бога и святых) и оскорбление святыни (Святые Таинства, Священное Писание, иконы, мощи и др.) [9, ст. 73].

Менее тяжким видом надругательства над верой является кощунство, т. е. оказание неуважения к христианской вере, ее обрядам и священным предметам [9, ст. 74]. Наказание за богохуление по

¹ Данное издание осуществлено в рамках финансирования долгосрочной целевой программы «Основные направления развития образования и науки Тюменской области» и конкурса научно-исследовательских проектов среди аспирантов, молодых ученых и научных коллективов Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева».

Уголовному Уложению предусматривалось ссылкой на поселение и даже срочную каторгу, если оно совершено в церкви. Тогда как за кощунство при том же условии полагалось заключение в тюрьме на срок не ниже 6 месяцев.

Законом предусматривалось наказание за «сращение из христианства» в нехристианскую веру (вплоть до каторги), из православия в другое христианское исповедание (от крепости до ссылки на поселение), из православия в «изуверное» учение (ссылка на поселение). Считалось преступным «воздействие на православных путем произнесения речи, распространения сочинения или изображения с целью возбудить православных к переходу в иное исповедание». Уголовно преследовалось и «совершение инославными христианскими духовными лицами обрядов над заведомо православными».

Меры административного и полицейского контроля над деятельностью неправославных религиозных общин осуществлялись структурами Министерства внутренних дел на основе «Устава о предупреждении и пресечении преступлений». Этот устав устанавливал правила функционирования терпимых вероисповеданий, в то время как нормы полицейского законодательства содержали превентивные и запретительные меры для нарушителей этих правил. В совокупности эти правила и нормы определяли форму сосуществования признанных законом вероисповеданий между собой, господствующей церковью и государством.

При такой широкой законодательной поддержке со стороны государства Православная церковь, тем не менее, испытывала проблемы, связанные с активной деятельностью различных религиозных организаций, которые усилили свою деятельность после провозглашения свободы религиозного исповедания в Российской империи.

Еще в 1891 г. в Москве был созван II Всероссийский миссионерский съезд, перед которым была поставлена задача разобраться в сущности учения отдельных сект с тем, чтобы «спасти православный народ от погибельного пути» и защитить Церковь и православную веру. Съезд предложил ускорить издание Библии и Евангелия с подстрочным толкованием текста и подбором полемических материалов для обличения сект и озаботиться изданием противомусульманских книг и журналов.

III Всероссийский миссионерский съезд проходил в Казани в 1897 г. К этому времени в ряде епархий уже действовали епархиальные миссионерские комитеты, занимавшиеся противораскольнической и противосектантской деятельностью.

В 1910 г. в Казани был проведен миссионерский епархиальный съезд для представителей поволжских, уральских и сибирских епархий. Его участники признали необходимым оживить миссионер-

скую деятельность в мусульманских регионах страны и предложили увеличить в Туркестане число миссионеров, а также открыть особую Туркестанскую духовную миссию. Кроме этого, было решено привлекать к миссионерству женщин для работы среди коренных жительниц, – подобно тому, как это практиковалось в Казани, где началась подготовка женских миссионерских кадров в кружках Братства святого Гурия и на Женских богословских курсах, открытых в 1909 г. В то же время было признано «целесообразным распространять христианское вероучение через женские монастыри» и начать издание в Казани журнала, на страницах которого предполагалось вести полемику по религиозным вопросам со старообрядцами и сектантами.

События 1905 г. выявили слабые стороны миссионерской деятельности РПЦ, что, по мнению церковных клириков, требовало усиления миссионерской деятельности, привлечения способных и опытных миссионеров для выработки новых приемов полемического и апологетического воздействия. В такой обстановке прошел в 1908 г. в Киеве IV Всероссийский миссионерский съезд, на котором присутствовало свыше 600 делегатов. В отличие от предыдущих, на этом съезде широко было представлено черное (монашеское) духовенство. Выступившие на съезде делегаты говорили главным образом о возникновении в стране новых сект и предлагали способы борьбы с их влиянием. Съезд прошел под лозунгом «обороны Православия от наступающего сектантства и неверия». Неоднократно рассматривался вопрос «о потере благочестия в народе» и необходимости противодействовать распространению социализма среди учащейся молодежи, рабочих и крестьян. Результатом работы съезда стало принятие практических рекомендаций, в том числе об организации миссий при монастырях и в войсковых частях.

Св. Синод, куда были направлены основные выводы и предложения IV миссионерского съезда, утвердил их. На основе его решения стало возможным принятие гражданским (светским) лицом звания миссионера. Православным миссиям разрешалось открывать курсы для подготовки будущих миссионеров из гражданских лиц, заводить собственные типографии, иметь книжные склады с литературой духовно-нравственного содержания. Рекомендовалось широко привлекать на миссионерские курсы мелких торговцев книгами, обучать книгонош-миссионеров, устраивать киоски с миссионерской литературой на вокзалах и пристанях. Было предложено организовать при церквях братства и кружки «ревнителей Православия», создавать народные миссии на основе благотворительности. Через какое-то время после съезда в семи-

нарский курс богословия был введен особый раздел: «Разбор и опровержение социализма». Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война не могла способствовать миссионерской деятельности. Но тем не менее в 1917 г. в Херсонской епархии в Григорье-Бизюковском монастыре состоялся V Всероссийский миссионерский съезд, который оказался последним.

В Тобольской епархии также существовала проблема, связанная с активной деятельностью старообрядцев и сторонников различных сект и отсутствием возможности православного клира противостоять пропаганде сектантов. Среди основных неудач православных защитников веры в противостоянии инаковерующим христианам Совет Тобольского братства Димитрия Солунского отметил слабую заинтересованность в этом вопросе сельского духовенства, а также отсутствие средств на миссионерскую деятельность. Совет выражал надежду, что в связи с новыми правилами о переустройстве миссионерского движения положение дел в скором будущем изменится к лучшему.

Во второй половине первого десятилетия XX в. из миссионерской среды выдвинулся преподаватель Тобольской духовной семинарии Л. Соловьёв, известный рядом публикаций в местной печати, в которых обличался церковный раскол и сектантство. Миссионер предупреждал, что не так страшны, на его взгляд, старообрядцы, как появившиеся в Сибири протестантские сектанты, которые очень активно открывают свои общины. 26 октября 1908 г. он выступил по этому вопросу на общем собрании членов Тобольского епархиального братства [10, с. 167–171]. Среди наиболее «опасных сект» он выделил штундистов (евангелистов, со временем от них отпали баптисты. – *Авт.*). Их представители объединились во «Всероссийский Евангельский союз». В России были учреждены также «Союз русских баптистов» и «Евангельский христианский союз», которые образовали собственное миссионерское общество с отделами во всех русских губерниях. Для подготовки миссионеров они открыли в городах Лодзе и Ревеле богословские семинарии; планировалось открыть свою семинарию в г. Харькове, где уже находилось евангелистское профессиональное училище для детей. В селах сектанты открывали воскресные школы для взрослых, регулярно проводили собрания на фабриках и заводах.

Сектанты организовывали так называемые летучие отряды проповедников с хором певчих для выступления на пристанях, пароходах, ярмарках. Под видом странников, столяров, портных, книгонош, кузнецов и пр. они двинули «громадную армию особых проповедников», которые посещали самые глухие российские уголки и везде вели пропаганду своего учения. В газетах, на базарах и пло-

щадях давались объявления о времени и месте проведения собраний, на которых при входе гостям дарились бесплатные Евангелия, а для пения выдавались гусли. Так, в Ишимском уезде проповедь «штундо-баптистов» из числа переселенцев имела наибольший успех среди обывателей, после чего жители нескольких деревень выбросили из своих домов иконы и разбили их.

Другую серьезную опасность, грозящую православию Сибири, Л. Соловьёв видел в адвентистах, чье учение являлось разновидностью штундизма [11, с. 193–197]. Эта секта также активно внедрялась во все регионы России. Адвентисты устраивали специальные субботние школы для изучения текста Священного Писания; образовывали трактатные кружки, где раздавали листовки и брошюры, изданные за рубежом. Каждый член секты обязан был платить взносы: молитвенные, субботние и др. На миссионерское дело собиралась так называемая десятина. Значительная часть средств поступала из-за границы [11, с. 193]. Россия в территориальном отношении была поделена ими на 5 отделов. Их штаб-квартира по Сибири находилась в г. Омске. На миссионерскую деятельность среди сибиряков было отпущено 200 000 р.

Л. Соловьёв ставит закономерный вопрос: «Как вооружаться? Что нам нужно предпринять прежде всего?» И сам отвечает – открывать «народные миссии». В них должны привлекаться к миссионерскому делу все равнодушные православные люди, которые могли бы вести пропагандистскую работу в местах своего постоянного проживания. Он рекомендует активнее привлекать к миссионерству женщин и для их подготовки проводить миссионерские курсы, выпускать специальную литературу, обращаться в храмах с проповедями, направленными против сектантов. В его словах ощущается неприятие закона 1905 г., которым устанавливалась свобода вероисповедания: «А свобода эта, как и всякая вообще свобода, близка штунде, которая по существу своему есть протестантская свобода». Более всего автор опасался «открытого рационализма и проповеди социалистической», которые могут быть радушно восприняты сибирским населением, где значительный процент составляли ссыльные, переселенцы, сектанты. «Штундизм встретит здесь тоболяка-материалиста чистейшей воды – практика. Отсутствие идеализма и практицизма – вот отличительная черта обывателей наших» [12, с. 239–243].

Вместе с тем Л. Соловьёв причислял новое учение к расколу и ставил его в один ряд со старообрядческими сектами: «Наше беспоповство – часовенные старообрядцы, старикищина – все это прикрытый рационализм – родня сектантству» [12, с. 273]. Он указывал, что благоприятна почва в Си-

бири для новых учений еще и потому, что здесь проживает много людей, далеких от веры, по сути своей – материалистов. В заключение Л. Соловьёв задает вопрос: кто сможет из числа сибиряков противостоять наплыву сектантов? И дает малоутешительный ответ: сельское духовенство не в силах с ними бороться «за отсутствием положительных знаний и миссионерской опытности» [12, с. 274].

Кроме протестантских сект в Сибири появились так называемые иоанниты. Они проповедовали безбрачный образ жизни и почитали Иоанна Кронштадтского, за что и получила свое название секта. В Тобольске «иоанниты» заявили о себе в 1908–1909 гг. Они успели посетить все учебные заведения города, а потом столь же неожиданно исчезли, прежде чем о них узнали в духовной консистории [13, с. 502–508]. Через какое-то время они уже проповедовали в Курганском уезде, обосновавшись в с. Салтосарайском. Проявили себя они и в Омске, и в Петропавловске, где у местного населения к ним возник интерес во время вспыхнувшей эпидемии холеры, предсказанной одним из членов секты.

Предрекаемое тобольскими миссионерами нашествие сектантов проявило себя появлением в 1909 г. баптистов в Ишимском уезде, в д. Усть-Лотовке Кротовского прихода. Секту организовал ссыльный Мартынов, который ранее попал в Сибирь за свои религиозные убеждения. Ему удалось привлечь на свою сторону 4 семейства. Но когда он попробовал вести пропаганду в соседней д. Волково, то «потерпел полное поражение». Крестьяне предложили ему покинуть деревню, угрожая в случае отказа применить ту же меру, что применяют к конокрадам, т. е. побить, не обращаясь к официальным властям [14, с. 272].

В 1910 г. в пос. Тургеневском Куликовской волости, со слов священника села Воскресенского, проходили баптистские собрания с целью «совращения православных в сектантство». По его словам, из г. Омска приезжали в село неизвестные лица, ходили по улицам и домам, приглашали крестьян на беседы и совращали их в сектантство [15, л. 6]. Местная полиция провела дознание, выявила личности «совратителей», и дело было отправлено в окружной суд. Не дожидаясь решения суда, местные жители решили сами проучить баптистов, выбив окна в их жилых домах. В ответ баптисты подали прошение о притеснении их со стороны православных жителей села, прося у губернатора защиты. Но чем закончилось противостояние православных верующих с сектантами, сказать затруднительно из-за отсутствия документов на этот счет [15, л. 10]. Скорее всего, как и в большинстве подобных случаев, внушением той и другой противостоящей стороне со стороны властей.

Другой очаг разгоравшегося противостояния между представителями официальной конфессии и сторонниками протестантизма был отмечен в поселениях Дорофеевском и Михайловском Омского уезда. В декабре 1910 г. епархиальный миссионер Д. Несмеянов донес Омскому и Семипалатинскому епископу Гавриилу (Голосову), что в поселках Дорофеевском и Михайловском идет пропаганда баптизма. Епископ Гавриил просил губернатора дать распоряжение, чтобы за баптистами был установлен строгий надзор для «удержания их деятельности в пределах закона» и ограждения «православных от пагубной пропаганды баптизма» [15, л. 31].

Судя по всему, активности своей баптисты в названных выше населенных пунктах не снизили, поскольку в феврале 1913 г. исправник Тюкалинского уезда сообщал губернатору об усилении деятельности баптистов все в том же пос. Михайловском Царицынской волости [15, л. 15]. Из протокола допроса становится ясным, что баптистов обвиняли в том, что они вели беседы с православными. Однако в своих показаниях, данных жителями поселка, те не признали своей вины и даже отрицали, что они ходили на собрания баптистов [15, л. 16–16 об.]. Тем не менее были возбуждены уголовные дела против нескольких жителей пос. Михайловского – Т. Коломийца, М. Безлипка, В. Радогуза. Но в итоге, по сообщению прокурора Тобольского окружного суда, за неимением доказательств дела были прекращены [15, л. 28].

В июне 1911 г. Тюкалинский уездный исправник доносил губернатору о том, что крестьянин Е. Колесников в п. Назаревское Троицкой волости стал открыто склонять жителей перейти из православия в баптизм, обещал оказывать им материальную поддержку, смеялся над православной религией, над иконами и священнослужителями [15, л. 206]. К нему присоединились местные жители С. Нефедов и И. Королев вместе с семьями. По этому случаю было заведено уголовное дело и передано мировому судье 7-го участка [15, л. 206 об.].

Местное начальство постоянно вело надзор за жителями, отошедшими от православия и осуждающими его в общественных местах. Так, царицынский волостной старшина докладывал губернатору, что некоторые крестьяне этого села именуют себя сектантами и смеются над обрядами православной церкви [15, л. 34]. В ходе дознания подтвердился факт оскорбления обрядов церкви со стороны Т. Коломийца, который был призван к судебной ответственности согласно п. 2 ст. 73 Уголовного Уложения [15, л. 34 об.].

В 1911 г. губернатор прислал ишимскому уездному исправнику приговор Александровского сельского схода об удалении из их общества перешедших в баптизм крестьян и «совращенных пра-

вославных». При этом исправнику приказывалось произвести расследование и выяснить личности тех, кто пропагандирует за переход в баптизм, а также каким образом ведется данная агитация [15, л. 40].

В ответ на это ишимский уездный исправник сообщил губернатору, что в пос. Александровском в баптизм «уклонились» следующие семьи крестьян: В. Топко, А. Кириенко, П. Тараненко (всего 6 человек). После этого они начали «сворачивать своих однообщественников переходом в баптизм», обвиняя последователей православной церкви в том, что те молятся иконам, сделанным из досок руками человека. По их делу было произведено дознание и материалы переданы мировому судье 4-го участка Ишимского уезда [15, л. 41].

В 1911 г. священник с. Макушино Курганского уезда А. Виноградов доносил, что к ним в село из г. Омска прибыл 6 мая 1911 г. хор баптистов. Этим фактом заинтересовался епископ Тобольский и Сибирский Евсевий (Гроздов), о чем и сообщил непосредственно тобольскому губернатору Д. Ф. Фон-Гагману. По его словам, в с. Макушино в течение двух дней проводились собрания, которые шли сначала в одном из частных домов, а затем, с разрешения станового пристава, в сельском театральном помещении. На эти собрания приглашались все желающие селяне независимо от вероисповедания. На собраниях присутствующим раздавались книги, звучала критика литературных сочинений православных авторов [15, л. 58]. В своем письме епископ Евсевий указывал на нарушение баптистами правил устройства сектантских молитвенных собраний [16, разд. 2, п. 1; разд. 4, п. 1; разд. 3, п. 1] и на основе этого просил губернатора вынести распоряжение, чтобы впредь разрешения проводить собрания давались баптистам представителями местной полиции с соблюдением закона [15, л. 58 об.].

Спустя некоторое время курганский уездный исправник докладывал тобольскому губернатору, что крестьяне с. Макушинского А. Бахирев, С. Веневитинов, А. и А. Степановы привлечены к ответственности по 22-й ст. Мир. Уст. Дело направлено к мировому судье 3-го участка Курганского уезда. В свою очередь, местному приставу было предписано «строго соблюдать правила собраний сектантов» [15, л. 59 об.].

Вместе с тем пристав третьего стана Курганского уезда подал рапорт, в котором указывал, что в с. Макушино «отдельного общества сектантов не имеется» [15, л. 61]. Он также пояснил, что ему не было известно о распоряжении от 4 октября 1910 г., и обещал впредь подобных разрешений не выдавать [17, с. 250]. В ходе дознания жители села показали, что на собрании было 20–25 человек, которые пели псалмы, и проповедь против Церкви и о пере-

ходе в баптизм не звучала [15, л. 65–65 об.]. Хозяйка дома А. Степанова, в котором проводилось собрание, объяснила, что присутствовавшие на баптистском собрании пели и читали, и ничего предосудительного в этом нет [15, л. 66–66 об.].

В 1912 г. из департамента духовных дел тобольскому губернатору сообщалось, что на страницах газеты «Баптист» [18] было напечатано сообщение, будто бы баптист В. А. Стоянов без надлежащего на то разрешения устроил ряд молитвенных собраний. В результате его действий перешли в сектантство несколько человек, над которыми был совершен «обряд водного крещения при стечении народа под открытым небом». В донесении высказывается просьба к губернатору, чтоб он дал распоряжение о привлечении этих лиц к уголовной ответственности [15, л. 93–93 об.].

И это далеко не единичный факт, когда благодаря помещенным в печатном органе баптистской организации сообщениям о проведении тех или иных обрядов на территории Тобольской епархии дело передавалось в суд. Так, в 1912 г. из департамента духовных дел тобольскому губернатору указывалось, что 21 апреля 1912 г. в п. Павлодарском Сыропятской волости Тюкалинского уезда неким Ф. Рейнгартом был совершен обряд водного крещения под открытым небом над 22 православными крестьянами. И как источник вновь называлась газета «Баптист» [15, л. 201].

В связи с этим замечанием тюкалинский исправник доносил тобольскому губернатору, что действительно в указанном населенном пункте 21 апреля было совершено водное крещение над 22 православными, но местные власти разрешение на это не давали [15, л. 204 об.]. Для привлечения виновных к ответственности дело по этому факту было передано мировому судье 6-го участка [15, л. 204].

Как видим, за деятельностью баптистов в Сибири пристально наблюдало не только местное духовенство, но и служащие духовного департамента, используя для того органы печати. По их ходатайству к борьбе с протестантскими активистами, распространявшими идеи своего учения в отдаленных уголках Тобольской епархии, привлекались гражданские власти, хотя те юридически не находились в прямом подчинении духовному департаменту. Но, судя по всему, и те и другие видели определенную опасность для существующего строя со стороны набирающих силу нетрадиционных для России религиозных деноминаций и активно противостояли распространению их учений, используя для того законные методы. В дальнейшем гражданские власти уже не ждали ходатайства духовных властей и без лишнего напоминания реагировали на случаи «сворачивания» православного насе-

ления в иноверие. Так, в 1912 г. тобольский губернатор писал тюкалинскому исправнику о том, что в п. Васильевском Андреевской волости организована деятельность баптистов во главе с А. Нестеренко по соращению православных в баптизм и требовал принятия незамедлительных мер с его стороны [15, л. 207].

Но эти меры не привели к прекращению деятельности представителей новоявленных учений, и в их ряды с каждым годом вливалось все большее количество крестьян, исповедовавших ранее православие. Баптисты нашли своих последователей в с. Демьянское Тюкалинского уезда. Зачинателями секты стали крестьяне Аввакум Бакун и Никодим Пипич, которые, по словам местного священника, были «отчаянные пьяницы». Другой сектант, Фотий Гузырь, был обвинен в подлоге на 100 р. и отдан под суд. Там же проживал Иван Кашмель, который «отличался фанатичной ненавистью к православию». Он сумел убедить местного сельского старосту Осипенко, что «поклоняться доскам есть язычество», и тот у себя дома «расстрелял иконы из ружья» [14, с. 274].

Протестантское учение, как и пророчествовали на этот счет православные клирики, нашло в Тобольской епархии благодатную почву и своих последователей. В начале XX в. на юге епархии появилась секта «адвентистов 7-го дня» во главе с крестьянином Е. Г. Носовым. Священник с. Богондинского Герасим Шорец на страницах епархиальной газеты обвинял их в том, что они ведут подрывную деятельность в России, используя деньги кайзеровской Германии, о чем он и предупреждает всех читателей. «Поход на православие объявлен и адвентистами. Пропагаторы найдутся и здесь, на местах: в Омске довольно адвентистов, в уездах Ишимском, Тюкалинском, Ялуторовском и Тюменском есть их поселки» [19, с. 1–9].

Примерно в то же время священник М. Макаров обнаружил секту адвентистов в д. Русаково Мальшенского прихода Ишимского уезда. Он отписал в консисторию, что материальную помощь адвентисты получают непосредственно из Германии, с которой в настоящее время Россия ведет кровопролитную войну. Свои выводы он обосновывал тем, что «первоучитель адвентистов Вильгельм Миллер был немец» [20, с. 190].

Для борьбы с сектантами советом Тобольского братства Димитрия Солунского было решено провести миссионерские курсы, на которых бы смогли подготовить и скоординировать деятельность духовенства в борьбе с расколом и сектантством. Курсы были открыты 15 июля 1912 г. На них прибыло 100 человек: 77 священников, 21 диакон, 1 псаломщик и 1 мирянин, помощник миссионера. Руководителем курсов был назначен протоиерей

И. И. Восторгов, прошедший подготовку среди московских миссионеров. На одной из лекций присутствовал тобольский губернатор А. А. Станкевич. Всего было прочитано 124 лекции (в день проходило по 9 лекций), главная тематика которых была направлена на подготовку духовенства к беседам со старообрядцами и сектантами [21, с. 348–350; 22, с. 365].

Комитет братства Димитрия Солунского решил обратиться за помощью в Св. Синод и ходатайствовать о присылке опытного миссионера, который мог бы грамотно руководить проповеднической деятельностью в крае. Петербургское руководство вняло просьбам сибиряков и в 1912 г. направило в Тобольск на должность епархиального миссионера-проповедника выпускника Казанской духовной академии, кандидата богословия Аркадия Афиногеновича Зырянова, в прошлом студента Тобольской духовной семинарии. Ознакомившись с обстановкой в крае, он через епархиальную газету обратился к тобольскому епископу, отмечая усиление влияния старообрядцев и сектантов на сибирское крестьянство, что «при невысоком уровне умственного развития деревенского населения и почти полной неспособности его разобраться в сложных вопросах веры и культа» может привести к разложению общества [23, с. 194].

Было подчеркнуто, что сектанты поставлены в лучшие условия по сравнению с православным духовенством, и это дает о себе знать повсеместно. Главная причина, по мнению Зырянова, лежит «в слабости просветительной и специально-миссионерской деятельности приходского духовенства». Проповедник предлагал на основе использования опыта прошедшего общеeparхиального курса миссионеров в Тобольске провести такие же курсы по всем уездам с числом слушателей от 20 до 25 человек. Продолжительность курсов не должна была превышать двух-трех недель. Расходы в таком случае должны составить не более 700 р. В конце статьи приводилась резолюция преосвященного: «Устройство курсов нахожу благовременным и весьма желательным. Разрешается» [24, с. 196].

Руководство Тобольской епархии в связи с большим количеством прибывающих на юг Западной Сибири проповедников адвентизма и баптизма и увеличением числа сект неоднократно ставило перед Св. Синодом вопрос (после 1915 г.) об открытии в г. Кургане викариатства, что могло бы активизировать борьбу с инаковерием, но эти благие намерения властями так и не были осуществлены [25, с. 212]. В последних, предреволюционных, отчетах Братства сообщалось, что «противораскольнические миссии ведут разоблачительную работу» среди населения края. События 1917 г., а затем и Гражданская война прервали миссионерскую дея-

тельность на территории Западной Сибири, после чего она уже не возобновлялась.

Таким образом, в первом десятилетии XX в. в Западной Сибири стали возникать и активно развиваться неизвестные ранее духовным властям религиозные деноминации, культивированные из протестантизма. Представители православного клира однозначно восприняли их как «секты», поставив в один ряд со старообрядчеством. В довольно короткий срок новое религиозное течение обрело ряд последователей и почитателей из числа православного населения главным образом на юге Тобольской епархии. Со временем новоявленные религиозные объединения могли оказать серьезную конкуренцию господствующей Православной церкви, вобрав в себя значительное число ее прихожан.

Следует учитывать, что позиции РПЦ оказались существенно ослаблены после принятия указа от

17 апреля 1905 г., согласно которому стал возможен переход из православия в другое христианское вероисповедание, что ранее было запрещено законодательно. Но при этом не были отменены основные статьи «Уложения о наказаниях» (1845 г.), исходя из которых лица, выступавшие с призывом перехода из православия в иное вероисповедание могли быть привлечены к суду. Благодаря возникшим в российском законодательстве противоречиям стали возможны случаи столкновения православной части населения с активистами новоявленных религиозных деноминаций и вовлечения в конфликт гражданских властей, которые традиционно выступали на стороне Русской православной церкви [26, с. 55]. Подобная ситуация не способствовала сплочению и единению российского общества накануне и в ходе I Мировой войны, лишь усилила намечавшийся отход части верующих от православия и ослабление авторитета РПЦ.

Список источников и литературы

1. Полный свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. XIV.
2. Там же. 1892. Т. I. Ч. 1.
3. Там же. 1896. Т. XI. Ч. 1. Разд. 6.
4. Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 5.
5. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Ч. 1: О государственном устройстве // Градовский А. Д. Собр. соч. СПб., 1901. Т. 7.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Издано проф. Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб., 1886.
7. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14.
8. Устав духовных консисторий. СПб., 1841.
9. Уголовное Уложение. СПб., 1903.
10. Соловьёв Л. Надвигающаяся опасность // Тобольские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1909. № 7.
11. Соловьёв Л. Надвигающаяся опасность // ТЕВ. 1909. № 8.
12. Соловьёв Л. Современный штундо-баптизм и условия для его распространения в Тобольской епархии // ТЕВ. 1909. № 10.
13. Елисеев Е. Из мира сектантства // ТЕВ. 1910. № 21.
14. Шорец Герасим. Тяжелые грехи безгрешных людей (штундо-баптистов) // ТЕВ. 1916. № 17.
15. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 152. Оп. 35. Д. 975.
16. Циркуляр Министра внутренних дел от 7 октября 1910 г. Разд. 2, п. 1; разд. 4, п. 1; разд. 3, п. 1.
17. Пропаганда баптизма в с. Макушинском // ТЕВ. 1911. № 11.
18. Баптист. 1912. № 8. Апрель.
19. Отчет Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского общества за 1909 год // ТЕВ. 1910. № 16.
20. Отчет о деятельности Тобольского епархиального православно-церковного братства св. великомученика Д. Солунского за 1914–1915 годы // ТЕВ. 1916. № 16.
21. Открытие миссионерских курсов // ТЕВ. 1912. № 15.
22. Там же // ТЕВ. 1912. № 16.
23. Зырянов А. Рапорт тобольского епархиального противораскольнического и противосектантского миссионера-проповедника на имя Его Преосвященства // ТЕВ. 1913. № 10.
24. Шорец Герасим. Адвентистское предсказание о пропаганде адвентизма в Тобольской губернии // ТЕВ. 1916. № 12.
25. Тутолмин Г. Назревающая вопиющая необходимость обновления и расширения Березовско-Обдорской Миссии // ТЕВ. 1918. № 16–17.
26. Войтеховская М. П. Вопросы российского образования в идеологии либеральной общественности конца XIX – начала XX веков // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 4. С. 53–60.

Софронов В. Ю., доктор исторических наук, профессор.

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева.

Ул. Знаменского, 58, Тобольск, Тюменская область, Россия, 626150.

E-mail: kuk50@mail.ru

Силин Н. Н., аспирант.

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева.

Ул. Знаменского, 58, Тобольск, Тюменская область, Россия, 626150.

E-mail: on1221@mail.ru

Фефелова О. А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: feofil@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 10.04.2012.

V. Y. Sofronov, O. A. Fefelova, N. N. Silin

THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AFTER THE ADOPTION OF GOVERNING THE DECREE OF APRIL 17, 1905. (DATA OF TOBOLSK DIOCESE)

The article concerns one of the most difficult periods in the history of the Russian Empire at the beginning of the 20th century, when, after the adoption of the decree of April 17, 1905 it was possible a transition from Orthodoxy to other Christian denomination, which significantly affected the activity of the ROC. Since no major articles have been abolished, “the Penal Code” (1845), based on which the persons who spoke with an appeal of the transition from Orthodoxy to another religion, could be brought to justice, the clergy of the church acted to limit the activities of the activists of the new religious movement. Thanks to the emerged in the Russian legislation contradictions there were possible cases of collision of the Orthodox population with the latter-day religious denominations, followed by involvement in the conflict the civil authorities, who traditionally sided with the ROC. The research shows the facts of spiritual struggle and the civil authorities with representatives of non-traditional religious denominations in Tobolsk eparchy at the beginning of the 20th century.

Key words: *history of Siberia, Russian Orthodox Church, missionary work, Protestantism, Islam, and old believers.*

Sofronov V. Y.

D. I. Mendeleev Tobolsk State Social and Pedagogical Academy.

Ul. Znamenskogo, 58, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: kuk50@mail.ru

Silin N. N.

D. I. Mendeleev Tobolsk State Social and Pedagogical Academy.

Ul. Znamenskogo, 58, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: on1221@mail.ru

Fefelova O. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: feofil@sibmail.com